

RU

Трансформация образа автора в повести А. Платонова «Впрок» (1931): от «субъекта» к «наблюдателю»

Бедрикова М. Л., Зайцева Т. Б.

Аннотация. Цель исследования – выявление черт образа «наблюдателя» в мире, изменяющемся «на всю историческую скорость» (по выражению самого писателя) в повести А. Платонова «Впрок» (1931). В статье в свете новых подходов (дать переосмысленное видение идеи социализма, очищенное от идеологических штампов) авторы в ходе анализа текста повести «Впрок» выявляют особенности мировидения Платонова, носителем которого в повести является прежде всего «наблюдатель» жизни современников, строителей нового мира, в социальной ситуации господства идеи «ускорения хода времени» в годы первых советских пятилеток. Анализ повести «Впрок» проводится с учетом утопического дискурса. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проблема автора в платоновской прозе исследуется на основе теоретических изысканий в области «истории видения» М. Б. Ямпольского, связавшего рождение феномена «наблюдателя» (вместо традиционного «субъекта»-повествователя) с ситуацией кризиса в истории культуры XX в. В результате исследования установлено, что введение образа «наблюдателя» является важным принципом эстетической установки писателя, доказано, что в тексте повести «Впрок» присутствуют и взаимодействуют «наблюдатель»-автор и «наблюдатель»-персонаж. Типология героев прозы Платонова дополняется новыми образами, уточняются особенности авторской позиции. Не являющиеся тождественными, эти ипостаси «наблюдателя» (автор и персонаж) позволяют Платонову транслировать важные для него смыслы и чувства: глубокую тревогу за душу человека, его счастье, за судьбу человечества в новом мире, созидающегося на глазах его поколения.

EN

Transformation of the author's image in A. Platonov's novella "For Future Use" (1931): From "subject" to "observer"

M. L. Bedrikova, T. B. Zaitseva

Abstract. The aim of the research is to identify the features of the "observer" figure in a world changing "at full historical speed" (in the writer's own words) in A. Platonov's novella "For Future Use" (1931). In the article, in the light of new approaches (to give a rethought vision of the idea of socialism, cleansed of ideological clichés), the authors, in the course of analyzing the text of the novella "For Future Use", reveal the peculiarities of Platonov's worldview, which is primarily carried in the novella by the "observer" of the lives of contemporaries, builders of a new world, in the social situation of the dominance of the idea of "accelerating the course of time" during the first Soviet five-year plans. The analysis of the novella "For Future Use" is carried out taking into account the utopian discourse. The scientific originality of the research lies in the fact that it is the first time that the problem of the author in Platonov's prose is explored on the basis of theoretical research in the field of "history of vision" by M. B. Yampolsky, who linked the birth of the phenomenon of the "observer" (instead of the traditional "subject"-narrator) with the situation of crisis in the history of culture of the 20th century. As a result of the research, it was established that the introduction of the "observer" figure is an important principle of the writer's aesthetic attitude, it was proved that the "observer"-author and the "observer"-character are present and interact in the text of the novella "For Future Use". The typology of heroes of Platonov's prose is supplemented with new images, and the peculiarities of the author's position are clarified. Not being identical, these hypostases of the "observer" (author and character) allow Platonov to translate meanings and feelings important to him: deep anxiety for the soul of man, his happiness, for the fate of mankind in a new world being created before the eyes of his generation.

Введение

Русская проза 1920-1930-х гг. в ее жанрово-стилевом многообразии запечатлела образ «нового мира» от рождения до первых пятилеток советской эпохи (М. Горький, К. Федин, А. Толстой, Л. Леонов, М. Шолохов). Мирозрение А. П. Платонова (1899-1951), выдающегося русского советского писателя, мыслителя XX в., инженера-мелиоратора, практика, формировалось в первые послереволюционные годы под влиянием идей русских «космистов»: Н. Федорова, А. Богданова, К. Циолковского. «Идеи преобразования природы, провозглашенные русскими космистами, своеобразно преломляются в народном сознании 1920-х гг., порождая причудливые утопические варианты» (Бедрикова, 2024, с. 199).

Ситуация «ускорения» исторического процесса наметилась еще до советской эпохи. Начиная с середины XIX в. бурное развитие науки и техники сделало достижимыми многие мечты человечества, которые ранее считались несбыточными. Люди получили надежду, что светлое будущее можно приблизить в настоящем, главное – успеть за короткий человеческий век. Идея достижимости Рая на земле в реальной жизни человека явилась могучим фактором ускорения, оправданием жертвенности живущих в настоящем в пользу будущих поколений. «Ускорение» стало отличительной чертой утопического сознания рубежа веков. Мы исследуем образ «наблюдателя» в изменяющемся мире в повести А. Платонова «Впрок» (1931) в контексте идеи «ускорения» истории и хода самого времени: «Утопическая идея “ускорения хода времени” в обществе приобретала различные формы <...>, с начала “пятилеток” в СССР постоянно ставился вопрос о “досрочном” выполнении пятилетних планов – в четыре, а то и в три года» (Степанов, 2001, с. 249). В 1920-е гг. в советской поэзии пафос ускорения наиболее полно, ярко выразил в новаторской поэтической форме В. Хлебников (Андреева, Бедрикова, 2023); «ускорение времени задавалось технологически, административно (нормы времени), идеологически (перевыполнение планов, пропаганда подвижничества, героизация трудовых подвигов)» (Андреева, 2024, с. 96).

Пафос своего творчества Платонов определил в юности, когда осмыслил цель жизни и осуществил ее: «И теперь исполняется моя долгая упорная детская мечта – стать самому таким человеком, от мысли и руки которого волнуется и работает весь мир ради меня и ради всех людей, и из всех людей – я каждого знаю, с каждым спаяно мое сердце» (1985, с. 488).

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления ведущих тенденций развития русской прозы первой трети XX в., определивших эволюцию отечественной литературы в XX веке и на рубеже XX–XXI вв. В повести «Впрок» (Бедняцкая хроника, 1931), программной для автора, воплотилась философская, острая социальная проблематика, сюжетные мотивы, типология героев, характерные для прозы Платонова: «...напряженное стремление постичь отношения мечты и реальности, идеи социализма и практики его строительства, утопической идеи и “живой утопии”» (Утопические проекты..., 2024, с. 3). В литературной критике «переходного периода» существовала проблема двойственного восприятия наследия писателя – считать произведения Платонова, пришедшие к читателю в годы перестройки, частью литературы 1920-1930-х гг. или «возвращенной литературой» – слагаемым литературного процесса 1980-1990-х? В настоящее время «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море», «Счастливая Москва» воспринимаются в контексте литературы первой трети XX в., а читатели XXI в. могут познакомиться с неизвестными широкой аудитории произведениями: «Впрок» (Бедняцкая хроника, 1931) «Че-Че-О» (Областные организационно-философские очерки, 1928), «Усомнившийся Макар» (рассказ, 1929).

В эпических полотнах 1920-1930-х М. Горького, Л. Леонова, К. Федина и др. классиков советской литературы отразились проблемы философии истории, тема социалистического строительства в Советской России раскрывалась в исторической, «производственной прозе». В средней и малой эпической форме тема строительства социализма была художественно осмыслена в прозе А. Платонова.

История создания «возвращенных» произведений А. П. Платонова глубоко изучена в отечественном литературоведении конца XX в. Для нашего исследования важно проследить логику литературно-критической мысли на рубеже 1980-1990-х гг., ведь именно в критике, в живых дискуссиях «перестроечного» времени наметились подходы для будущих научных исследований Платонова, таким образом определялась и методология отечественного литературоведения рубежа XX–XXI вв. В ряду многочисленных работ наиболее значимым, с нашей точки зрения, является монографическое издание В. В. Агеносова «Советский философский роман», в котором дан глубокий анализ литературных дискуссий, представлено исследование «идейно-художественного своеобразия романа-мифа А. Платонова «Чевенгур» в контексте творчества Платонова и более широком – в контексте литературного процесса 1920-1930-х гг. (Агеносов, 1989, с. 127-144). С точки зрения В. В. Агеносова, художественно-философская проза Платонова «органично вписывается в те философские и эстетические поиски, которые вел философский роман этого периода» (1989, с. 144). Роман «Чевенгур» (1927) написан раньше повести «Впрок» (1931), поэтому произведение необходимо отметить как основу для последующих творений, содержащую проблематику, типологию героев, особый платоновский язык. В дискуссиях о прозе Платонова В. В. Агеносовым были аналитически осмыслены концепции: «...С. Бочарова, Л. Шубина, С. Залыгина, Н. Малыгиной, В. Чалмаева, С. Семенович <...>, что позволило перейти к характеристике Чевенгура как лубочной модели идеала писателя в столкновении с реальностью. На наш взгляд, здесь нельзя видеть ни пародию, ни антиутопию. *Перед нами всё время уточняющийся проект сотворения нового мира, самый сложный эксперимент, серия действий “начерно”, а не “набело”, “проб и ошибок”* (курсивом выделена концепция В. Чалмаева. – М. Б., Т. 3.)» (1989, с. 141). Последнее предложение в цитате В. В. Агеносова – о «всё время уточняющемся проекте сотворения нового мира» – представляет собой тезис, который мы раскрываем

в статье в ходе анализа повести «Впрок». Мы солидарны с точкой зрения историка отечественной литературы XX в. о плодотворности выбранного им подхода к изучению прозы Платонова (речь идет о статье С. Семеновича «Мытарства идеала»): «Важна сама мысль, исходящая из особенности платоновского художественного и философского мира: *соединить идеал с реальностью, нести высокую мечту о нравственности, о родстве людей, о потенциале революции*» (Агеносов, 1989, с. 129).

«И трудно отделаться от впечатления, что автор “философско-исторических эпопей” <...> многое предвидел и в нашем читательском времени», – это высказывание В. С. Воронина (2018, с. 808) о прогностическом даре Горького по аналогии можно отнести и к автору произведений «Котлован», «Чевенгур», «Впрок». Большой художник способен увидеть современность в философско-историческом свете, художественно осмыслить и запечатлеть ее.

В 2024 г. художественное и философско-публицистическое наследие А. П. Платонова стало центром внимания научного сообщества. В рамках изучения утопических проектов в истории культуры и в связи со 125-летием со дня рождения писателя-мыслителя проводился форум «Утопические проекты в истории культуры» по теме: «Социализм между утопией и антиутопией» (Утопические проекты..., 2024). В 2020-е гг. анализ утопизма «в мировой гуманитаристике» ознаменовался «новыми подходами». Новизна современных подходов состоит в следующем: «...предложено переосмысленное видение идеи социализма, очищенное от идеологических штампов» (Утопические проекты..., 2024, с. 2). В прозе А. Платонова ценен опыт художественного осмысления писателем истории Советской эпохи, неслучайно его именуют «изначально смотрителем русской души», по определению В. Распутина (Утопические проекты..., 2024, с. 3). Т. С. Паниотова (Южный федеральный университет) подчеркнула степень изученности творчества писателя: «До сих пор мнения исследователей расходятся: писал ли Платонов “гимн социалистическому строительству” или его пародировал; его произведения относятся к утопии или антиутопии» (Утопические проекты..., 2024, с. 3-4). В развернувшейся полемике возникли новые термины: одни исследователи приняли термин «метаутопия», предложенный Викторией Чаликовой (1991), – «это произведение с открытым диалогом утопии и антиутопии»; другие настаивают на варианте «утопия-антиутопия» – два полюса, между которыми балансирует творческое сознание Платонова (Ханс Гюнтер)» (Утопические проекты..., 2024, с. 3-4). Возможно, в дальнейшем изучение наследия Платонова будет включено в сферу новой науки – «утопиологии» (Бакулов, 2024, с. 10), концептуально-методологические проблемы которой в настоящий момент обсуждаются в гуманитаристике. Для нашей статьи важны идеи работы Е. Л. Чертковой (Институт философии Российской академии наук, Москва) «Технократический дискурс и гуманистический пафос в творчестве А. Платонова» (2024, с. 15-19), где представлен философский анализ утопического способа мышления писателя в технократическом ключе (рассказы «Невозможное» и «Сатана мысли», 1921-1922): «...характерен гносеологический оптимизм и крайний радикализм в отношении всего существующего мира – природного и человеческого. <...> признаки утопического сознания: тотальное неприятие существующего положения вещей, новый мир должен возникнуть с нуля; далее позитивная часть – вскрытие причины, источника мирового зла, в данном случае это не социальное неравенство, а неправильное устройство нашей планеты и космоса в целом. Научное знание, мысль, изобретения – главное орудие пролетариата. Но при всех названных признаках утопии истинные причины утопического неприятия мира, все научные и технологические средства преобразования жизни и космоса оказываются... следствием главной – отсутствия в людях любви <...> Идеал любящего человека и есть та главная и часто неосознаваемая утопическая мечта, ради которой и пишутся утопии» (2024, с. 15). Философ не находит точного термина, оценка выражена в эпитете: «...и утопизм Платонова, и его безбрежный гуманизм» (Черткова, 2024, с. 15).

В перечисленных направлениях изучения наследия Платонова («утопия», «антиутопия», «художественный мир», «типология героев», «язык» и др.) нас интересует образ «наблюдателя» как ипостась образа автора-повествователя. Обратимся к предшествующим работам по теме. Я. Р. Бульская (МГУ) отметила «внутреннее единство образа автора, парадоксально сопутствующее амбивалентности»: «За исключением “Впрок”, мы обнаруживаем повествование от третьего лица. Автор не персонифицирован, он “вездесущ” и “всеведущ”» (2002, с. 46); именно «“Впрок” – единственное произведение с повествованием от первого лица и персонифицированным рассказчиком» (2002, с. 47). Как обнаружить авторское присутствие? М. Михеев в прозе Платонова анализировал подтекст: «...когда происходящее “на глазах” у читателя, на уровне сюжета не проговаривается буквально – ни прямой, ни косвенной речью какого-либо из героев <мимесис> и не показывается “буквально” – словами от автора или повествователя, средствами “диегесиса”» (2008, с. 123-124).

Цель определяет задачи исследования:

- 1) в тексте произведения Платонова «Впрок» (Бедняцкая хроника) выявить и проанализировать черты образа «наблюдателя», опираясь на теоретические изыскания в области «истории видения» М. Б. Ямпольского;
- 2) исследовать формы присутствия «наблюдателя»-автора в тексте повести «Впрок», учитывая особенности мировоззрения и мировосприятия автора;
- 3) исследовать способы «динамизации» повествования в повести «Впрок» в свете «ускорения» исторического времени в изменяющемся мире – «на всю историческую скорость»;
- 4) в нарративе точка зрения писателя не проявлена открыто, поэтому необходимо обнаружить скрытые смыслы, транслируемые в свете проблемы утопизма, присущего сознанию Платонова, выявить элементы «утопии-антиутопии» в прозе писателя 1920-1930-х гг.;
- 5) охарактеризовать «наблюдателя» (автора и персонажа) в произведении «Впрок» как проявление принципиальной платоновской эстетической установки, когда изображенные события воспринимаются писателем как «все время уточняющийся проект сотворения нового мира» (Агеносов, 1989, с. 141).

Материалом для исследования послужили следующие тексты:

- Горький М. Собрание сочинений: в 16 т. / сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. М.: Правда, 1979. Т. 13. Жизнь Клина Самгина (Сорок лет): повесть.
- Катаев В. П. Время, вперед! // Катаев В. П. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1969. Т. 3.
- Леонов Л. М. Дорога на Океан: роман // Леонов Л. М. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 6.
- Маяковский В. В. Хорошо! // Маяковский В. В. Сочинения: в 2 т. / сост. Ал. Михайлова; прим. А. Ушакова. М.: Правда, 1988. Т. 2.
- Платонов А. П. Впрок // Платонов А. П. Сочинения. Научное издание / гл. ред. Н. В. Корниенко. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2020. Т. 4. Кн. 1. 1928-1932. Повести.
- Платонов А. П. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. и примеч. В. Чалмаева. М.: Советская Россия, 1985. Т. 3. Рассказы. 1941-1951; Драматические произведения; Волшебное кольцо: сказки; Из ранних сочинений; Из последней записной книжки.
- Платонов А. П. Сочинения. Научное издание / ред. Н. В. Корниенко, Е. А. Рожнецва. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2016. Т. 2. 1926-1927. Повести. Рассказы. Сценарии. Статьи.
- Платонов А. П. Сочинения. Научное издание / подг. текста и коммент. Н. В. Корниенко, Е. А. Пайковой. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2021. Т. 3. 1927-1929. Чевенгур: роман.

Теоретической базой нашего исследования является труд «Наблюдатель. Очерки по истории видения» М. Б. Ямпольского (2000). К работе М. Б. Ямпольского обращаются исследователи утопического типа сознания, рассматривая его влияние на язык, речь в ее динамике. Образ «наблюдателя» мы исследуем в свете новых подходов к изучению прозы Платонова – спустя 100 лет: «...предложено переосмысленное видение идеи социализма, очищенное от идеологических штампов» (Утопические проекты..., 2024, с. 2). Именно в слове «видение» в сочетании с «переосмыслением» заключено направление анализа, актуальное для объективного прочтения текстов произведений пронизательного художника слова, каким являлся Платонов, обладавший уникальным «зрением», даром «видения» эпохи и современников – строителей социализма. В масштабном труде «Наблюдатель» концепция «наблюдателя» М. Ямпольского неразрывно связана с понятием кризиса в истории культуры: «Новое понимание субъекта неотделимо от общей эволюции культуры, по-новому сплетающей между собой старые темы: мир как хаос, нуждающийся в упорядочивании, идею случайности и т. д. Но главное следствие кризиса субъективности – это превращение субъекта в наблюдателя становится особенно очевидным в XX веке, требующем от наблюдателя безостановочного синтеза рваного потока визуальных образов» (2000, с. 8). Ведется «история наблюдения с кантовских времен до 20-х годов нашего столетия», то есть 1920-х, в период «ускорения» исторического Времени, когда уже создана почва для «превращения субъекта в наблюдателя». У Платонова «наблюдатель» тщетно пытается «сложить детали и мелочи» в целостную картину, ибо «ничего законченного» не может предложить необозримая панорама времен и пространств», – в этом сходство ситуации в мире писателя с кризисом, описанным Ямпольским (2000, с. 41). «Наблюдатель» Платонова демонстрирует элементы «панорамного сознания», когда автор-повествователь своеобразно «дистанцируется»: 1) в отстраненном видении мира; 2) «в игре сменяемых ролей» (Ямпольский, 2000, с. 41).

Для достижения цели, решения поставленных задач мы использовали комплекс методов: поскольку анализ образа «наблюдателя» возможен только во взаимосвязи с мотивной системой, в сюжетно-композиционной организации, используется системный метод. Семиотический метод позволяет выявить скрытые смыслы в сложном многоуровневом повествовании. Историко-сравнительный и типологический методы используются для уточнения типов героев платоновской прозы, а также для установления логики слагаемых сюжета «Бедняцкой хроники» – в различных эпизодах, взаимодействующих между собой.

В завязке сюжета повести «Впрок» повествователь задает «установки»: герой – это знакомый читателю тип «сокровенного человека», радеющего за всеобщее счастье, свидетель событий, при этом писатель использует мотив путешествия: «В марте месяце 1930 года некий душевный бедняк, измученный заботой за всеобщую деятельность, сел в поезд дальнего следования на московском Казанском вокзале и выбыл прочь из верховного руководящего города. Кто был этот только что выехавший человек, который в дальнейшем будет свидетелем героических, трогательных и печальных событий?» (Платонов, 2020, с. 7). На первых страницах в привычном дорожном диалоге намечен утопический дискурс (забота о всеобщем счастье): субъект повествования («я»), электротехник, обещает попутчику «зажечь колхозное солнце»; а «наблюдатель»-автор поясняет: «Если мы в дальнейшем называем путника как самого себя («я»), то это – для краткости речи, а не из признания, что безвольное созерцание важнее напряжения и борьбы» (Платонов, 2020, с. 7). «Я» в произведении «двоится» – это «наблюдатель»-автор и «наблюдатель»-персонаж.

Для анализа образа «наблюдателя» необходимо обозначить «точку наблюдения» в системе «координат». Обратимся к философским основаниям «мира и человека», чтобы описать специфическую «оптику» субъекта, обозревающего реальность. Мир платоновских героев характеризовал в своей «онтологической поэтике» Л. В. Карасев (2005, с. 91) – в рамках «онтологически ориентированного подхода» к анализу текста. Философ рассматривает текст с точки зрения такого «среза» / «уровня бытия» (художественного, эстетического), на котором «его вещественно-пространственная оформленность сказывается с максимальной выразительностью и напряженностью» (Карасев, 2005, с. 94). С философской точки зрения, «человек и мир» в прозе А. Платонова предстают в сложных взаимосвязях: «...особый настрой, ощущение бытия наличествующего, актуального

в своей конкретной особенности и неповторимости..., рождая сложнейший комплекс человеческой чувственности, идеологии, в котором природное неотделимо от социального, телесное от духовного» (Карасев, 2005, с. 94). Природное начало присутствует в самом человеке: «веществу жизни» (или как бы сказал А. Платонов, «веществу существования») противостоит пустота смерти, нежизнь. По наблюдению Л. В. Карасева (2005, с. 98), силой, примиряющей «пустоту» и «вещество» в художественном мире Платонова, выступает «вода» – это самостоятельная тема в творчестве писателя.

Объектом исследования является повесть А. Платонова «Впрок» (Бедняцкая хроника), предметом – трансформация образа «наблюдателя» как ипостаси образа автора-повествователя, постигающего «новый мир» и «нового человека», строящего социализм в изменяющемся мире, в ситуации «ускорения» исторического времени («исторической скорости», по выражению А. Платонова).

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в разработке курса «История русской литературы XX-XXI вв.», при изучении прозы 1920-1930-х гг., творчества А. Платонова, жанров утопии и антиутопии в русской и мировой литературе.

Обсуждение и результаты

Особое значение прозы Платонова в эпосе первой трети XX в. обусловлено тем, что писатель запечатлел и художественно осмыслил феномен сотворения «нового человека» в изменяющемся мире «в его минуты роковые». В отличие от современников, создавших образ Будущего в литературе (Е. Замятин «Мы», 1920), повествователь Платонова сам принадлежит к «новому миру», ощущает с ним кровную родственную связь. В образной системе писателя «новый человек» есть осязаемая реальность, его присутствие в «прекрасном яростном мире» наблюдает повествователь. В произведениях 1920-1930-х гг. точка зрения повествователя скрыта: «...в интерференции различных точек зрения (автора, героев, различных “сторонних голосов”) <...> Платонов широко пользуется еще намеком, недосказанностью или подтекстом» (Михеев, 2008, с. 123).

Историзм мышления Платонова в повести «Впрок» раскрывается в неразрывной связи человека с его эпохой – ведь «настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наши дни быть нельзя, находясь вне труда» (2020, с. 8). Главная фигура настоящего – это человек труда, а труд есть органическая потребность человека, важная ценность в системе ценностей социалистического общества. Досоветская эпоха в литературе 1920-1930-х гг. представляется «темным» прошлым – такое невнимание к христианской истории России характерно для послереволюционных десятилетий. Новое восприятие Истории провозглашал В. Маяковский:

Ни былин,
ни эпосов,
ни эпопей.
Телеграммой лети,
строфа!
Воспаленной губой
припади
и попей
Из реки
по имени «Факт» (1988, с. 349).

В лиро-эпической поэме «Хорошо!» (1927) для поэта и его героя существует только образ Советской Республики, которой всего десять лет, – это «страна-подросток». Отсчет исторических событий начат с нуля от 1917 г., большая История тождественна истории революции. Маяковский прокламировал то, что Платонов (2020, с. 20) именовал «исторической скоростью». Призыв быть «свидетелем» счастливого Времени сформулирован в строках:

Чтоб из книги
через радость глаз,
от свидетеля
счастливого, –
в мускулы
усталые
лилась
строящая и бунтующая сила (Маяковский, 1988, с. 349).

«Телеграфный» ритм и стиль строк поэмы «Хорошо!» более всего созвучен ритму, скорости поезда – важного символа прогресса XX в. и самостоятельного образа в произведениях Платонова, например «Сокровенный человек», «Происхождение мастера». В отечественном литературоведении существует традиция исследования образа поезда, железной дороги как знака ускорения Времени. Например, Н. А. Муратова и Г. А. Жиличева отмечают в произведениях XIX-XX вв. «функционирование кино-метафоры *прибытие поезда*, способы изображения образов движения в пространстве, времени, внутреннем мире <...> В классической литературе докинематографической эпохи введение в сюжет мотивов железной дороги приводит к эффекту динамизации дискурса, оппозиция старинного уклада жизни и технического прогресса становится *ключевой* (А. Н. Островский, А. П. Чехов)» (2022, с. 50). В массовом искусстве 1920-х гг. и в прозе Платонова отмечается «мифологическая семантика» поезда в его «ассоциации с событием... революции» (Муратова, Жиличева, 2022, с. 50) («Наш паровоз, вперед лети! / В Коммуне

остановка. / Иного нет у нас пути...» – строки из революционной комсомольской песни, написанной железнодорожными рабочими в 1922 г.).

Примеры смыслов, заключенных в образе паровоза, символизирующего у Платонова «всю историческую скорость» и упомянутую «мифологическую семантику», ассоциированную с катастрофой, смертью, Апокалипсисом (Муратова, Жиличева, 2022, с. 50), мы находим в различных произведениях русской литературы первой трети прошлого столетия. Так, в эпопее Горького «Жизнь Клима Самгина» поезд-«локомотив» ассоциируется с неотвратимым движением Истории к ее «концу». «Наблюдателем» выступает Самгин – его поездка по железной дороге, а по сути, бегство от хаоса революционной смуты, охватившей Москву, описана на десяти страницах Части третьей. Самгин, рассматривая в окно вагона «мелькание телеграфных столбов», наблюдает за попутчиками – «обычными людьми» – как за «основным материалом истории, сырьем...»: «Они – и крестьянство. Это – демократия. <...> Переживает все социальные и стихийные катастрофы...» (Горький, 1979, с. 189). У Горького ускорение времени «на всю историческую скорость» ощущает и «наблюдатель» Клима Самгин, и попутчики в вагоне локомотива, и случайно оказавшийся в вагоне оратор, своеобразно аргументирующий перед публикой верность собственного политического выбора: «Вырвав шапку из-под мышки, оратор надел ее на кулак и ударил себя в грудь кулаком. – Я объехал всю Россию и вокруг, и вдаль, и поперек, крест-накрест не один раз, за границей бывал во многих странах... Локомотив снова свистнул, дернул вагон, потащил его дальше, сквозь снег...» (1979, с. 191). Логику дорожного диалога в его многоголосии прослеживает аналитически в «Жизни Клима Самгина» именно «наблюдатель» – эта грань образа главного героя Самгина позволяет Горькому реализовать авторскую повествовательную стратегию, транслировать важные смыслы в историко-философской проблематике. Интересен образ поезда в философском романе Леонова «Дорога на Океан» (1933-1935). В названии запечатлена идея Будущего человечества. Главным героем утопического произведения является Алексей Курилов – большевик, человек с богатой революционной биографией, «начподор» (начальник по железным дорогам). Однако в «Дороге на Океан» в начале сюжета дано подробное описание дорожной катастрофы («Действовал закон дорожных катастроф. Площадь крушения была обратно пропорциональна его размаху»; «Табор, суматоха, длинные огни ада» (Леонов, 1983, с. 16)). В образе железной дороги Леонов заключает идею грядущих «катастроф» на пути человечества к цели – счастливому Будущему. Полагаем, таким образом автор акцентировал мысль о неизбежности, губительности ошибок на пути технического прогресса: «Но качество перевозок оставалось прежним, и катастрофы время от времени напоминали массовые древние жертвоприношения» (Леонов, 1983, с. 17). Образы железной дороги, поезда в данном случае воплощают слепую силу, увлекающую людей, совершенно безучастную к их жизни, судьбе человечества и человечности.

В воссоздании темпа, «ускорения времени», в способах «динамизации» сюжета А. Платонову в его повести «Впрок» ближе всего, с нашей точки зрения, В. Катаев (1969) в его оригинальной сюжетно-композиционной организации производственного романа «Время, вперед!» (1932). В Катаеве сочетается идею официальной «теории темпов» / «ускорения времени» с сюжетной линией движения поезда, направляющегося на Магнитострой – стройку первой пятилетки. Если у Платонова речь идет об организации колхозного движения, то у В. Катаева воссоздается особая напряженная атмосфера трудового энтузиазма, невероятной энергии, скорости, с которой в СССР осуществлялась индустриализация в последнее мирное десятилетие перед Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. Писатель задает «ускорение» с помощью литературных приемов, воссоздавая хронику одного дня на строительстве Магнитогорска.

Изучение биографии, архивных материалов позволяет воссоздать целостную картину творческой деятельности А. П. Платонова. Особенности формирования личности и творчества Платонова в период, когда писатель работал одновременно над несколькими произведениями, – на рубеже 1920-1930-х, то есть в период написания повести «Впрок», раскрываются при обращении к его ранним статьям и записным книжкам. Еще в 1926 г. в статье «Фабрика литературы» писатель высказывал убеждение, что автору необходимы конкретные жизненные наблюдения. «Надо всегда держать всю свою наблюдательность мобилизованной, зоркостью и вкус должны быть выпячены, как хищники, надо всегда копаться на задворках и на центральных площадях в разном дерьме» (Платонов, 2016, с. 366). «От литкора требуется хищническая наблюдательность и зоркая способность обнаруживать и квалифицировать материал, залегающий в недрах подстилающей его жизни» (Платонов, 2016, с. 368). Особенно важно, по мнению Платонова, вслушиваться в живую народную речь: «...свежие губы народа редко изрекают междометия или формулируют понятия, а дают явлениям некоторый конкретно-словесный образ, поскольку происходит чувственно-ассоциативная реакция, поскольку народ – живой человек» (2016, с. 366). Писатель подчеркивает свою принципиальную эстетическую установку, свое кредо: «...стараясь таким ежом кататься в жизни, чтобы к моей выпяченной наблюдательности все прилипало и прикалывалось» (Платонов, 2016, с. 365). Приведенные высказывания проливают свет на предмет изучения в нашей статье – «образ «наблюдателя» в изменяющемся мире» в прозе А. Платонова: писатель, по его убеждению, должен быть зорким и въедливым наблюдателем, чтобы не только *воспроизводить* жизнь, какая есть, но и *производить* жизнь, то есть обнаруживать и прояснять тенденции ее развития, делая фактом литературы жизнь, которая еще только предполагается, *проектируется*.

Платонов, строящий сюжеты произведений на мотиве путешествия, в повести «Впрок» не случайно «пересаживает» своего повествователя на поезд: подобно путешественнику-«наблюдателю» новой жизни, вся Россия, аграрная полупатриархальная, вступила на путь технического прогресса, страна меняет исторический облик в короткий срок – «на всю историческую скорость». Фольклорные ассоциации возникают в начале повести, когда автор только представляет героя, отправляющегося на поезде в путешествие из столицы на простор родной страны. «Наблюдателя» писатель именует «бредущим созерцателем», «настоящим созерцателем»: «...мы выбрали его глаза для наблюдения, именно: он способен был ошибиться, но не мог солгать» (Платонов, 2020, с. 7).

«Наблюдатель» Платонова обладает качествами философа, ощущающего «бытие наличествующее, актуальное в своей конкретной особенности и неповторимости» (Карасев, 2005, с. 94). Он фиксирует изменения: «Езда в вагоне изменилась. Ранее в окне можно было наблюдать лишь пустыньность страны, лишь разрозненность редких деревень...» (Платонов, 2020, с. 8). У Платонова описание психологизировано, вместо статичных видов – живые картины поселений в динамике (деревни, «расположенные так робко и временно, будто они были сиротами в чужой земле и постоянно готовы исчезнуть <...> Теперь же по бокам железной дороги строились различные пункты, предприятия, конторы, башни, а ярославские и амовские автомобили усердно возили материалы по губительной немощной земле. Люди стояли на кирпичных кладках и заботливо старались трудиться, уже навсегда осваивая эти порожние убыточные пространства» (2020, с. 8)). Оппозицией «прогрессу», с точки зрения «душевного бедняка», является попутчик-старичок, «житель старой глухой земли», наблюдавший «весь мертвый порожняк природы» («не признавал, наверно, научного социализма») (Платонов, 2020, с. 8). «Наблюдатель»-«душевный бедняк» ограничен в выборе пути (в русских народных сказках возможен выбор дорог: «прямо», «направо», «налево»). Хотя «некий душевный бедняк» и выбывает из столицы «прочь» («куда глаза глядят»), механическая тяга мчит героя-повествователя (субъект «я») строго «по колею» железной дороги.

Фабула повести представляет эпизоды встреч путешественника (электротехника) с рядовыми организаторами колхозного движения на юге Советской России (Воронежская область), затем путь пешего «наблюдателя» в повести «Впрок» прерывается, и «наблюдатель»-«душевный бедняк» садится на поезд и далее посещает знакомые места – поселения Острогожского округа. В самом начале путешествия «наблюдатель»-электротехник с попутчиком, встреченным в вагоне поезда, прибывают в колхоз «Доброе начало» («С.-х. коллектив “Доброе начало”»), в котором энтузиасты установили так называемое «колхозное солнце», задуманное для дополнительного освещения с/х угодий. Автору «Впрок» доморощенная идея освещать «колхозным солнцем» земли колхоза «Доброе начало» не кажется утопической (речь идет об огромном рефлекторе, свет которого направлен на колхозные угодья). Платонов был энтузиастом преобразования природы, увлеченным идеями К. Циолковского («Будущее Земли и человечества»): писатель воспринял призыв к «дружной борьбе всего человечества с природой... Земля должна быть объявлена общим достоянием. И не должно быть человека, который бы не имел на нее права» (2015, с. 241). А. В. Хорунжий отмечает: «Проект “Идеального строя жизни” К. Э. Циолковского представляет социальную утопию...» (2024, с. 36). Товарищ Кондров знакомит электротехника с инструкцией по эксплуатации «солнца» («Уставом»). Любопытно, что техническое описание изобретения (принцип рефлектора) из семи пунктов в трех последних (с пятого по седьмой) представляет собой программу реформации души человека старого мира в «нового человека». Под воздействием яркого колхозного солнца люди смогут отказаться от темного религиозного мировоззрения. Местному электросолнцу поручено, помимо основного предназначения, еще исправлять человеческие пороки: «...колебание, невежество, сомнение, тоску, унылость», пробуждать свет знания, рождать у колхозников жажду познания («происхождение всякой силы света на земле»); в результате, по мысли утопистов-коммунистов «Доброго начала», жители окрестных сел поверят в силу науки: «...разные верующие остатки соседних колхозов и деревень дали письменное обязательство – перестать держаться за религию при наличии местного солнца» (Платонов, 2020, с. 16). В стремлении «догнать и перегнать город» энтузиасты из колхоза «Доброе начало» в перспективе планируют создать «общественное солнце в районе»; текст завершается лозунгом: «Да здравствует ежедневное солнце на советской земле!» (Платонов, 2020, с. 16). Читатель, обладающий критическим мышлением, непременно поймет платоновский подтекст, хотя повествователь и не проговаривает смысл каждого пункта утопической программы. М. Михеев отметил характерное для прозы Платонова «расширение перспективы события, как бы уводящей в бесконечность» (2008, с. 123). Путешественник-электротехник («я») комментирует «Устав», и в данном комментарии звучит голос самого писателя (хотя инструкцию изучает «наблюдатель»-персонаж). Радость встречи с творческим отношением к жизни, с заботой о всеобщем счастье переполняет душу «наблюдателя»-автора, в стиле комментария заметна и мягкая платоновская ирония: «Правда, было в таком явлении что-то трогательное и смешное, но это была трогательная неуверенность детства, опережающего тебя, а не падающая ирония гибели. Если бы таких обстоятельств не встречалось, мы бы никогда не устроили человечества и не почувствовали человечности, ибо нам смешон *новый человек*, как Робинзон для обезьяны...» (Платонов, 2020, с. 16). Комментарий автора-«наблюдателя» дистанцирован от сознания персонажа, ибо о «наблюдателе»-«душевном бедняке» говорится как о «другом»: «...нам кажутся наивными его (“нового человека”. – М. Б., Т. З.) занятия, и мы тайне хотим, чтобы он не покинул умирать нас одних и возвратился к нам. Но он не вернется, и всякий душевный бедняк, единственное имущество которого – сомнение, погибнет в выморочной стране прошлого» (Платонов, 2020, с. 16). Путешественник-электротехник, починив «колхозное солнце», спешит «до захода небесного солнца» покинуть «Доброе начало».

Стиль повествования в этой части повести «Впрок» напоминает сказовый. Используя цепочную композицию, в последующих эпизодах о колхозном движении Платонов вводит в текст устойчивые фольклорные «формулы», собственно прием повтора. Например, повторяется слово «прочь», маркирующее высказывание «наблюдателя»-персонажа («я»), «душевного бедняка», оно прозвучало в первом абзаце текста «Впрок» и есть в финале эпизода о колхозе «Доброе начало»: «...я находился в колхозе и, облюбовав всё достойное в нем, вышел из него прочь» (Платонов, 2020, с. 21).

Присутствие «наблюдателя»-автора обнаруживается в тексте, когда, не нарушая логики главной сюжетной линии, органично, в стилизованном «сказе» в рассказ о путешествии «душевного бедняка» («я») включаются авторские отступления аналитического характера. Субъекту («я») в отступлении присущ, выражаясь современным языком, профессиональный взгляд инженера-мелиоратора на проблемы аграрного «сектора» в советской

экономике первой пятилетки. Стиль авторских отступлений отличается от предыдущего повествования: «Затем мы дошли до деревни Понизовки, расположенной, действительно, по низу земли. <...> Я видел в зерновых районах не меньше ста громадных сел, и все они согнаны на водопой в низы – в долины речек, в балки и прочие провалы рельефа. Высокие же, самые тучные земли – далеки и пустынные. <...> В чем же заключается решение задачи? В том, чтобы селить колхозы и основывать совхозные усадьбы прямо на водоразделах, в центре плодородия почв» (Платонов, 2020, с. 23).

Сюжетно-композиционное решение Платонова (путешествие «душевного бедняка» по новорожденным колхозам) для русской литературы не ново (Платонов использовал это в романе «Чевенгур», в центральной части которого повествуется о путешествии Саши Дванова и Степана Копёнкина по степным микрокоммунам в 1919-1920-х гг.). У А. Твардовского также встречается герой – крестьянин-середняк Никита Моргунок, который путешествует в поисках счастливой страны Муравии. При чтении повести «Впрок» невольно возникает аналогия с утопическим, сказочным и одновременно остросоциальным сюжетом поэмы «Страна Муравия» (1935), в которой А. Твардовский продолжил традицию русской поэзии XIX в. – в ее демократическом крыле («Кому на Руси жить хорошо» Н. Некрасова).

Обращаясь к вопросу о заимствовании фольклорного сюжетного мотива путешествия героя, следует обратить внимание не только на актуальную задачу «наблюдателя»-автора – своими глазами увидеть колхозное строительство, – но и затронуть вопрос источника. Речь идет о фольклоре как источнике образности в прозе Платонова, великом значении национального устного народного творчества. Источником утопических сюжетов с элементами волшебных сказок для русских писателей XX в. служил не Дж. Толкиен («О волшебных сказках»), как порой полагают, но прежде всего русский сказочный фольклор. В повести «Впрок» – и в описании путешествия, и в авторских отступлениях о судьбах скромных рек, озер, глухих далеких земель – отражаются представления «наблюдателя»-автора об идеале – счастливой земле и свободном человеке-труженике – этот идеал хранят русские народные сказки. Речь «наблюдателя»-автора о плодородной земле наполнена такими словами, как: «самые тучные – далекие и пустынные» земли (до поры). Научное определение «плодородная почва» в тексте соседствует с определением «тучная» / «жирная» земля: в сказках в «ином царстве» «жирная земля» / «тучная земля» дает урожай сама – без усилий земледельца. В работе Е. Трубецкого «Иное царство и его искатели в русской народной сказке» проанализирован утопический идеал: «...в приземистой сказке... искомое “иное царство” есть в общем идеал сытого довольства. Такое настроение всего лучше характеризуется теми жирными, дразнящими аппетит присказками. <...> Но такое жизнепонимание характеризует лишь нижний, житейский уровень сказки...» (1990, с. 101). У Платонова в период 1920-1930-х гг. «идеал сытого довольства» можно встретить в романе «Чевенгур» – в эпизоде посещения Двановым и Копёнкиным революционного заповедника, которым заведовал товарищ Пашинцев. Революционный фанатик выразил мечту о счастье трудового крестьянина в стихах: «...Поверь, крестьянин трудовой, / Цветочкам полевым сдобней живется! / Так брось пахать и сеять, жать, / Пускай вся почва родит самосевом. / А ты ж живи и веселись – / Не дважды кряду происходит жизнь, / Со всей коммуною святой / За руки честные возьмись, / И громко грянь на уши всем: / Довольно грустно бедовать, / Пора нам всем великолепно жировать. / Долой земные бранные труды, / Земля задаром даст нам пропитанье» (Платонов, 2021, с. 124). Упоминается «жирная» (тучная) земля, то есть Платонов знает и учитывает существование сказочной крестьянской утопии в свете идеала – «жизнь на безделье».

Повествование в его хронологическом течении в повести «Впрок» оживляется множеством встреч на пути «наблюдателя» – «душевного бедняка»: типологию платоновских персонажей дополняют партийцы-бюрократы, молодые карьеристы, проявляющие формализм по отношению к жизни коллективных хозяйств. Каждая деталь в завязке сюжета (первый абзац повести «Впрок») своеобразно «распрограммируется» в развитии действия. Так, «ускорение» (запуск «колхозного солнца») сопровождается требованием свыше («постоянно грозящий... палец из района») в соответствии с «теорией темпов»: «Гляди, Кондров, не задерживай рвущуюся в будущее бедноту – заводи темп на всю историческую скорость, невер несчастный!» (Платонов, 2020, с. 20-21). В деревне Понизовке «наблюдатель» («я»), с присущей иронией, характеризует секретаря сельсовета: «...я был свидетелем действий его опытного ума, умевшего всякую бюрократическую сложность обращать в понятную простоту истины» (Платонов, 2020, с. 23). Воспроизводя диалог «дорожного товарища» с молодым бюрократом, «наблюдатель» фиксирует искажение «ускорения» как созидающей теории:

«– Нам показывать некогда, социализм не ждет! – возразил секретарь.

– Ну конечно, – заключил борец. – Вы строить и достраивать ничего не хотите, вам охота поскорей как-нибудь отстроиться и лечь на отдых среди счастья... Вот она – левая, бегущая юность! – уже ко мне обратился командированный» (Платонов, 2020, с. 24).

В приведенном диалоге сталкивается официальная теория «ускорения», теория темпов, с обыденным сознанием – представлением о счастье как «жизни на безделье», с надеждой на русский «авось».

В типологии героев Платонова есть революционные фанатики, чудачки, мастера своего дела из социальных «низов». Подобные типы писатель изображал и в романе «Чевенгур»: без таких образов, рожденных революционной эпохой, картина жизни Советской России была бы неполной. В колхозе «Без кулака», в который вошли, согласно списку, «48 бедняков, 11 батраков, 73 середняка, 2 учителя, 1 прочая женщина с детьми-сиротами» (Платонов, 2020, с. 32), вождем был довольно мрачный человек – Семен, по прозвищу Кучум. Не уточняя подробности, обратим внимание на «стратегию» руководства коллективным хозяйством Семена Ефимыча Кучума. Утопический характер носит структура хозяйства, по Кучуму: «...он оказался скрупулезным рыцарем. Весь состав колхоза он разбил на две половины: люди до двадцати лет (юноши и девушки) и люди старше двадцати лет. <...> молодое поколение (до двадцати лет) разбивалось еще на ряд групп: младенчество, детство, отрочество, рабочая молодежь в пятнадцать-двадцать лет»; <...> Кучум имел на свежее поколение великую

надежду и впрямь всех взрослых людей, уже испорченных бывшим империализмом, работать на это живое будущее» (Платонов, 2020, с. 37). Не менее восьми страниц посвящает Платонов встрече «наблюдателя» – «душевного бедняка» с фанатиком колхозного движения товарищем Уповым, с которым жизнь свела его в большом селе с общим хозяйством под названием Гуцёвка. Упов, уверовавший в Ленина, добивается встречи с вождем и оставшуюся жизнь проводит в состоянии жертвенности ради идеи революции:

- «– Ладно, Владимир Ильич, через неделю все бедные и средние будут чтить тебя и коммунизм!
– Живи, товарищ, – сказал Ленин еще один раз. – Будем тратить свою жизнь для счастья работающих и погибающих: ведь целые десятки и сотни миллионов умерли напрасно! <...>
– Ты гляди, Владимир Ильич, – сказал Упов, – не скончайся нечаянно. Тебе-то станет всё равно, а как же нам-то.

Ленин засмеялся...» (2020, с. 43).

В докладах, которые любил произносить Упов «на закате солнца», он с волнением призывал «к прекрасной обоюдной жизни на тучной земле» (Платонов, 2020, с. 45).

Как видим, в утопическом сознании персонажей бедняцкой хроники «Впрок» присутствует сказочный, утопический идеал «тучной» / «жирной» земли.

В повести «Впрок» Платонов изображает неоднозначные явления, рожденные практикой социалистического строительства. Так, «наблюдатель» – «душевный бедняк» посещает «С.-х. артель имени Награжденных героев, учрежденную в 1923 г.». Впечатления от пребывания в артели можно свести к следующему: несмотря на демонстрируемые революционные символы председателя артели Мчалова (говорящая фамилия, от «мчать», «мчаться»), его старый красноармейский шлем, деятельность на общее благо, преуспевание с.-х. артели, на деле Мчалов и его артель преследуют корыстные личные цели, а бедность демонстрируют на публике. Платонов пишет о мнении «наблюдателя»: «Чем больше я жил в этой артели, тем больше убеждался, что ее идеология – ханжество, несмотря на значительное общее достояние...» (2020, с. 55).

От стиля «наблюдателя»-автора повествование «наблюдателя» – «душевного бедняка» значительно отличается на страницах, посвященных артели имени Награжденных героев: в этой части текста преобладает фразеология времени – в основном термины из документов типа классово-расслоенных ведомостей, которыми руководствовались активисты. В финале эпизода Платонов возвращает повествованию прежнюю «сказовость»: «Я с удовлетворением отправился отсюда в очередную даль, какая мне была видна из усадьбы артели» (2020, с. 57).

Среди эпизодов бедняцкой хроники есть и такие, которые наполнены кощунственным, с точки зрения верующего-христианина, содержанием: таковы попытки коммунистов в небольшом колхозе «Сильный поток» подменить праздник Святой Пасхи новым празднованием, новыми ценностями – созданием «жития» Филата-батрака и соответствующего поклонения его образу. Филат был еще жив, но события развивались настолько стремительно, что, по стечению обстоятельств, умер батрак именно на глазах всего колхоза. Все ритуалы коммунистической «обрядовости» были соблюдены, Филат, скончавшийся «на миру» («На миру и смерть красна»), был как бы возведен в «праведники» (Платонов, 2020).

Еще один тип платоновского героя, наблюдаемый в колхозе «Утро человечества» (под девизом «Всем угнетенным народам – на долгие времена»), стоит охарактеризовать отдельно. Председатель «Утра человечества» товарищ Пашка – уникальный человек, с революционной биографией, место ему нашлось бы, например, в ревзоповеднике товарища Пашинцева из другого произведения – «Чевенгур». Для проверки профессиональной состоятельности электротехника – «душевного бедняка» председатель Пашка проводит собеседование с претендентом на должность колхозного техника. Второй из «проверочных» вопросов звучал так: «Говорят, что мир бесконечен и звездам нет счета! Неверно, товарищ! Это буржуазная идеология: буржуазии выгодно, чтоб мир был такой широкий, дабы гадам не тесно жилось и было куда бежать от пролетариата. А по-моему, мир имеет конец и звездам есть окончательный счет» (Платонов, 2020, с. 63).

Именно в ходе собеседования с «наблюдателем»-электротехником неожиданно раскрывается один из смыслов названия произведения «Впрок» (Бедняцкая хроника). У Пашки мышление международное, поэтому в планах председателя есть пункт: «– А мы хотим сделать тут такой колхоз, чтоб он был, как автомобиль «форд», годен по организационной форме и мужику-африканцу и бедняку-индейцу. Ясно тебе? – Ясно-то ясно, только это не нужно: африканский мужик и сам не дурак. – Он-то нет, а ты-то дурак! Ведь СССР – самая передняя до революции держава! Отчего же нам не делать для всего отсталого света социальные заготовки?! А уж по нашим заготовкам пускай потом всемирная беднота пригоняет себе жизнь в меру и впрок» (Платонов, 2020, с. 63). Название «Впрок» можно интерпретировать, учитывая закодированный смысл: следующим поколениям живущих людей – в назидание, «жить в меру и впрок», воспринимая опыт предыдущих поколений человечества. Примечательно, что мысли о всемирной революции доверены «дураку».

В русской сказке Иван-дурак выходит победителем из сложных ситуаций. В эпизоде же Платонова есть момент «истины» – история преобразования Пашки из «юродивого» в «председателя передового колхоза». Если убрать революционную риторику («капитализм», «беднота»), то останется «сказочное» событие, когда Ивана-дурака бросают в «котлы» с водой, он превращается в доброго молодца. Платонов воспроизводит выстуление рабочего судьи во время суда над Пашкой в его бытность юродивым нищим: «Капитализм рожал бедных наравне с глупыми. С беднотою мы справимся, но куда нам девать дураков? <...> А отсюда я полагаю, что этого товарища, по названию Пашка, надо бросить в котел культурной революции, сжечь на нем кожу невежества, добраться до самых костей рабства, влезть под череп психологии и налить ему во все дырья наше идеологическое вещество...» (2020, с. 66).

Наказание или же урок сводится к тому, что Пашку отдают как бы «на переделку» в человека – «в мужья одной сознательной бабочке». Пашка достиг высот власти «благодаря воздействию сознательной супруги». Подробности «перевоспитания» остаются «за кадром», хотя портрет прекрасной сознательной колхозницы дан в восприятии «душевного бедняка» – электротехника: «...я загляделся на супругу Пашки – она была красива до прелести, хотя в общем уже пожилая <...> она веселая и уверенная в своей жизни и, кроме того, мудрая и передовая <...>» (Платонов, 2020, с. 62).

Повествование «Впрок» (Бедняцкая хроника), вопреки жанру, лишено «монотонности», все впечатления «наблюдателя», описанные Платоновым в качестве объективного свидетельства, представляют уникальный опыт практического строительства социализма в СССР, художественно осмысленный – в назидание будущим поколениям.

Заключение

Произведение А. Платонова «Впрок» проанализировано в контексте эволюции отечественной литературы 1920-1930-х гг. в «переходный» историко-литературный период – преобразования «русского» в «советское». Текст повести «Впрок» создавался в эпоху наибольшего идеологического давления на литературу, тем не менее в повести о коллективизации Платонову удалось на первый план перевести именно человеческое содержание великих перемен, продемонстрировать особый платоновский гуманизм.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Выявлено, что, в отличие от официальной художественной, художественно-публицистической литературы периода «великого перелома», в повести «Впрок» о первых шагах коллективизации в Воронежской области Платонову удалось сосредоточить внимание читателя не на идеологическом содержании, а на внутреннем – психологическом плане сюжета. Это органично, психологически достоверно, ибо обыденное сознание не способно воспринимать идеологические установки вне эмоционально-чувственного восприятия. Читателю предлагается «наблюдать» изменяющийся мир вместе с «наблюдателем» – «душевым бедняком» и непосредственно «наблюдателем»-автором.

2. В отличие от официальной идеологической установки, обязательный в литературе о коллективизации острый классовый конфликт (между колхозниками и кулаками) в сюжете повести «Впрок» Платонова потеснен психологическим. Это внутренний конфликт в душе крестьянина – между инстинктом собственника и чувством коллективизма, противоречие между мечтой о скором построении Рая на земле и реалиями социалистического строительства 1920-1930-х гг. В повести «Впрок» крестьяне уже вступили в колхозы, хотя некоторые еще только планируют влиться в коллектив свободных тружеников. Крестьянин, как и пролетарий, в начале 1930-х гг. живет в эпоху «ускорения хода времени» – именно требование повышения темпа труда более всего волнует рядовых тружеников, изображенных Платоновым. Психологию нового человека, современника рождения нового мира, раскрывает «наблюдатель» в повествовании, которое держится на сюжете встречи во время путешествия на поезде и на пешем пути по степным колхозам и коммунаам.

3. Способом «динамизации» повествования в повести «Впрок», отражением ускорившихся ритмов времени является сюжет, основанный на мотиве путешествия на поезде, по железной дороге – по бескрайним просторам Советской страны. «Наблюдателя» – «душевного бедняка» («бредущий созерцатель», «настоящий созерцатель») с автором объединяют общие ценности: «...даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наше время быть нельзя, находясь вне труда и строя пролетариата, ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма» (Платонов, 2020, с. 8).

4. Выявленные нами черты «наблюдателя» (автора и персонажа) в произведении «Впрок» представлены как проявление принципиальной эстетической установки Платонова. Писатель описывает мир, воспринимая окружающее как «*всё время уточняющийся проект сотворения нового мира*» (Агеносов, 1989, с. 141).

5. В нарративе точка зрения автора не проявлена открыто. В ходе анализа текста повести «Впрок» выявлен один из возможных смыслов заглавия, который своеобразно закодирован. «Впрок» – значит: следующим поколениям живущих людей – в назидание, «жить в меру и впрок», воспринимая и сохраняя опыт предыдущих поколений человечества.

Перспектива дальнейшего исследования видится в изучении типологии героев прозы Платонова для ее уточнения – в связи с выявленными новыми образами («наблюдатель» в его взаимоотношении с другими типами). Изучение «наблюдателя» (автор и персонаж) требует анализа образа «наблюдателя» в вершинных произведениях Платонова («Котлован», «Чевенгур»). Это позволит не только объективно представить общую картину развития русской советской прозы 1920-1930-х гг., но в утопическом дискурсе углубить исследование жанровой принадлежности произведений «Котлован», «Чевенгур» (утопия или антиутопия), исходя из объективных результатов, полученных в ходе анализа образа «наблюдателя» как эстетического принципа писателя А. Платонова.

Источники | References

1. Агеносов В. В. Советский философский роман. М.: Прометей, 1989.
2. Андреева С. Л. Дети и время в утопической идее жертвенности в повести А. Платонова «Котлован» // Утопические проекты в истории культуры: материалы V всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «Социализм между утопией и антиутопией» (г. Ростов-на-Дону, 24-26 октября 2024 г.). Ростов н/Д – Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.

3. Андреева С. Л., Бедрикова М. Л. Концепты «Время» и «Ускорение» как константы утопического сознания в свержповести В. Хлебникова «Зангези» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 82.
4. Бакулов В. Д. Концептуально-методологические проблемы создания утопиологии – науки об утопии // Утопические проекты в истории культуры: материалы V всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «Социализм между утопией и антиутопией» (г. Ростов-на-Дону, 24-26 октября 2024 г.). Ростов н/Д – Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.
5. Бедрикова М. Л. Будущее в представлении А. Платонова: человек и природа // Современные достижения университетских научных школ: сборник докладов национальной школы-конференции «Современные достижения университетских научных школ» (г. Магнитогорск, 25-26 ноября 2024 г.). Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2024.
6. Бульская Я. Р. Повести Андрея Платонова: цельность мироощущения и амбивалентность образа автора // Кафедральные записки: вопросы новой и новейшей русской литературы / отв. ред. Н. М. Солнцева. М.: Изд-во Московского университета, 2002.
7. Воронин В. С. Философия истории и многозначная логика в последних романах М. Горького // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / сост. О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Уртминцева. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2018.
8. Карасев Л. В. Онтологическая поэтика: краткий очерк // Эстетика: вчера, сегодня, всегда / отв. ред. В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская. М.: Институт философии Российской академии наук, 2005. Вып. 1.
9. Михеев М. «Возвращение» Платонова: поэтика недоговоренности // Вопросы литературы. 2008. № 2.
10. Муратова Н. А., Жиличева Г. А. Семиотика поезда в русской литературе: интермедиаальный и метапоэтический аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 1.
11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001.
12. Трубецкой Е. «Иное царство» в народной сказке и его искатели // Литературная учеба. 1990. № 2.
13. Утопические проекты в истории культуры: материалы V всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «Социализм между утопией и антиутопией» (г. Ростов-на-Дону, 24-26 октября 2024 г.). Ростов н/Д – Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.
14. Хорунжий А. В. «Идеальный строй жизни»: идеальная утопия К. Э. Циолковского // Утопические проекты в истории культуры: материалы V всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «Социализм между утопией и антиутопией» (г. Ростов-на-Дону, 24-26 октября 2024 г.). Ростов н/Д – Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.
15. Циолковский К. Будущее Земли и человечества // Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
16. Чаликова В. А. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М.: Прогресс, 1991.
17. Черткова Е. Л. Технократический дискурс и гуманистический пафос в творчестве А. П. Платонова // Утопические проекты в истории культуры: материалы V всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «Социализм между утопией и антиутопией» (г. Ростов-на-Дону, 24-26 октября 2024 г.). Ростов н/Д – Таганрог: Южный федеральный университет, 2024.
18. Ямпольский М. Б. Наблюдатель: очерки истории видения. М.: Ад Маргинем, 2000.

Информация об авторах | Author information

RU Бедрикова Майя Леонидовна¹, к. филол. н., доц.
 Зайцева Татьяна Борисовна², д. филол. н., доц.
^{1,2} Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

EN Maya Leonidovna Bedrikova¹, PhD
 Tatiana Borisovna Zaitseva², Dr
^{1,2} Nosov Magnitogorsk State Technical University

¹ mlbedrikova@gmail.com, ² tbz@list.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.01.2025; опубликовано online (published online): 18.02.2025.

Ключевые слова (keywords): образ «наблюдателя»; повесть А. Платонова «Впрок»; идея «ускорения хода времени»; первые советские пятилетки; утопический дискурс; русская проза 1920-1930-х гг; image of the "observer"; A. Platonov's novella "For Future Use"; idea of "speeding up the passage of time"; first Soviet five-year plans; utopian discourse; Russian prose of the 1920s and 1930s.